

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19>

Иванова Мария Евгеньевна

"Событие": от обыденного понятия до научной категории

Цель исследования: на основе критического анализа существующих публикаций по проблемам событийности выявить специфику становления категориального статуса термина "событие". В статье сравниваются обыденные смыслы "события" в ряде европейских языков, анализируются философские смыслы этого понятия у А. Бадью и Ж. Делёза, а также в современных политологических текстах. Научная новизна заключается в выявлении особенностей восхождения "события" как понятия обыденного языка к научному категориальному статусу. В результате доказано, что преобладающей тенденцией осмысления семантического содержания "события" оказывается его связь с социальным конструированием посредством концептов языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 111-119. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Философия науки и техники

Philosophy of Science and Technology

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.19>

Дата поступления рукописи: 07.05.2020

Цель исследования: на основе критического анализа существующих публикаций по проблемам событийности выявить специфику становления категориального статуса термина «событие». В статье сравниваются обыденные смыслы «события» в ряде европейских языков, анализируются философские смыслы этого понятия у А. Бадью и Ж. Делёза, а также в современных политологических текстах. **Научная новизна** заключается в выявлении особенностей восхождения «события» как понятия обыденного языка к научному категориальному статусу. **В результате** доказано, что преобладающей тенденцией осмысления семантического содержания «события» оказывается его связь с социальным конструированием посредством концептов языка.

Ключевые слова и фразы: событие; политическое событие; событийность; обыденный язык; научная категория.

Иванова Мария Евгеньевна

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, г. Москва
meivanova2013@yandex.ru

«Событие»: от обыденного понятия до научной категории

Актуальность темы исследования обусловлена спецификой «лингвистического поворота», который произошел в различных отраслях научного знания во второй половине XX века, привел к смене приоритетов эпистемологии и науковедения. В результате этого поворота в центре внимания исследователей оказались проблемы анализа роли научных терминов в системе научного языка, прежде всего, в системе наук о человеке и обществе. Проблема выявления специфики термина «была (и остаётся до сих пор) одной из сложнейших и спорных» [21, с. 124].

Благодаря системному характеру научного языка можно вести речь о терминосистеме, в рамках которой последовательно развивается теоретическое содержание термина. Анализ специфики бытия конкретных терминов в этом поле выступает актуальной научной проблемой, которая в настоящей статье решается применительно к научному понятию «событие».

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, выявить обыденные содержательные смыслы термина «событие», во-вторых, рассмотреть методологические подходы к пониманию события в философии постмодернизма, прежде всего, у А. Бадью и Ж. Делёза, в-третьих, проанализировать смысловую специфику «события» в современном политологическом знании, в-четвертых, охарактеризовать специфику возвышения обыденного смысла «события» до его категориального статуса.

Для решения поставленных в статье задач применяются следующие **методы исследования**: компаративный метод, герменевтический метод и метод контент-анализа. С помощью системного подхода реализуется выявление смыслов «события» в соответствующем терминопле, контент-анализ позволяет выявить сформировавшиеся подходы к содержанию «события» как научной категории, с помощью герменевтического метода осмысливаются семантические коннотации «события» в различных научных дискурсах.

Теоретической базой исследования, наряду с трудами А. Бадью [3-8] и Ж. Делёза [12], послужили работы отечественных авторов, рассматривающих философский и политологический аспекты события [1; 9; 13; 15-19; 22], а также публикации, посвященные анализу специфики научных терминов [2; 11; 14; 20; 21; 23].

Практическая значимость исследования заключается в том, что рассматриваемая в статье методология анализа термина «событие» может быть использована для анализа иных научных категорий. Результаты исследования могут быть использованы в образовательном процессе по философским и политологическим дисциплинам, а также в практике современных СМИ, могут содействовать укреплению плодотворной научной взаимосвязи между лингвистами и представителями иных научных специальностей.

Исследователи обращают внимание на существенное отличие терминов социально-гуманитарного знания от категорий естественных наук: «В так называемых точных науках и в науках естественнонаучного направления терминология стремится выделиться в особую семиологическую систему, что обусловлено

предметом исследования. Термины гуманитарных наук семантически более тесно связаны с общенародным языком и, как правило, понятны читателю... И, как ни странно, несмотря на их общеупотребительность, им трудно подобрать однозначный синоним» [2, с. 102].

Необходимость специального исследования категорий социально-гуманитарных наук определяется, в том числе, и тем, что эти категории играют существенную роль в процессе конструкции/деконструкции социального мира, а сам этот процесс оказывается двунаправленным:

- с одной стороны, при помощи и посредством понятий социальная реальность трансформируется в реальность языковую;
- с другой стороны, сформированная под влиянием социальной практики языковая реальность задает направленности и смыслы таким преобразованиям, результатом которых выступает формирование новой социальной реальности.

Этот двусторонний процесс носит циклический и непрерывный характер, обусловленный взаимосвязью языковой реальности и социального бытия: изобретая новое слово, человек неизбежно обнаруживает объекты – социальные феномены, для которых вновь изобретенные слова оказываются эквивалентными обозначениями (возможно, не вполне адекватными и точными). С другой стороны, каждый вновь обнаруживаемый или конструируемый социальный феномен заставляет искать для него адекватные словесные обозначения.

Специфика научного языка в сравнении с обыденным определяется, в первую очередь, характером используемой *научной терминологии*.

До сего дня «все попытки учёных сформулировать единое научно обоснованное определение понятия “термин” терпят неудачу, так как содержание самого понятия не выяснено до конца» [14, с. 306], а «те разнообразные определения, которые существуют сейчас в литературе, не всегда и не в полной мере отражают суть определяемого явления» [20, с. 24]. В результате сформировались разные подходы к пониманию содержания, генезиса и специфики функционирования научной терминологии. Несмотря на это, понимание отдельных характеристик термина разделяется большинством исследователей.

На такие характеристики указывают, в частности, Е. В. Якимович и А. А. Опара: «...системность терминов проявляется через взаимосвязи с другими языковыми единицами, выступающими в функции терминов, а также посредством зависимости объектов терминологической номинации от определённой теории и распространённой практики её реализации. Это позволяет вести речь о терминосистеме как модели специальной области знаний и деятельности, признать за ней способность к накоплению информации, её передаче и стимулированию познания» [23, с. 72].

Для отражения системного характера среды функционирования научного термина в языковом пространстве кроме понятия «терминосистема» предлагается также понятие «терминополе». Так, В. А. Виноградов демонстрирует, что различные метаморфозы, определяющие реальное бытие научного термина, связаны с пространством «терминополя». В их числе:

1. До-определение термина в соответствии с процессами обогащения содержания конкретного понятия науки.
2. Девальвация терминов (частичная или полная), которая может быть вызвана результатами исследования новых объектов науки либо новыми данными, полученными о прежде изучавшихся объектах.
3. Формирование синонимии научных терминов. Такая синонимия может возникнуть тогда, когда один из терминов приобретает коннотативное значение «принадлежность к конкретной научной концепции» [11, с. 368-369].

Отмеченные исследователями существенные характеристики и особенности бытия научных категорий в терминополе используются в настоящей статье при анализе категории «событие». Эта категория первоначально формировалась в рамках обыденного языка, но широко используется ныне не только в обыденном, но и в научном социально-гуманитарном знании, язык которого существенно отличается от знания естественнонаучного. Поскольку язык естественных наук формировался в течение многих столетий интернациональным сообществом исследователей, постольку и сам этот язык стал по большей части интернациональным. В отличие от научного естествознания, социально-гуманитарные науки, как правило, оперируют таким языком, термины которого мало отличаются от понятий обыденного языка повседневности.

К такого рода понятиям относится и научная категория «событие». В повседневной жизни, равно как и в средствах массовой информации, этот термин проявляет все большую семантическую агрессивность, вбирая в себя содержание таких понятий, как «факты», «явления», по сути дела поглощённых к настоящему времени категорией «событие». Исследователями фиксируется концептуальное расширение этого понятия и отмечается, что за последнее время «рядовой термин обыденного языка и жизни вдруг становится ни больше, ни меньше, как философской категорией» [16]. Содержательная специфика рассматриваемого термина в современном научном социально-гуманитарном знании детерминирована целым рядом факторов.

Во-первых, в значительной мере специфика термина зависит от конкретных особенностей языка, использующего характерные для него «ментальные инструменты» в процессе осмысления событий социальной реальности. Исследователями выделяются, в частности, «англо-романское», «немецкое», «русское» и другие ментальные «течения», связанные с возникновением, употреблением, истолкованием термина «событие».

Во-вторых, рассматриваемая специфика определяется конкретным научным направлением, в рамках которого используется термин «событие». Речь идет о философии событийности, политологии событийности, социологии событийности, психологии событийности и т.д.

Осмысление понятия «событие» и его содержательный анализ осуществляются ныне многими исследователями. К сожалению, иногда итогом таких размышлений становятся весьма бедные по содержанию и значимости выводы: «Можно сделать следующий вывод: общепринятого определения события пока нет, поскольку существуют многочисленные несовпадающие теории относительно события» [9, с. 203].

Языковая специфика понятия «событие». Исходная основа терминополья применительно к понятию «событие» в европейских языках имеет латинское происхождение. От латинского “eventus” («событие») происходят аналогичные понятия в разных языках: “event” в английском, “evenement” во французском, “el evento” в испанском, “evento” в итальянском, “o evento” в португальском, “eveniment” в румынском, “eventler” в турецком языках. В языковой практике “eventus” служит для раскрытия мира в качестве реальности, дискретные компоненты которой задаются извне. Такого рода заданность в значительной мере (как случайность) иррациональна; она может выступать в качестве «игры богов», в качестве прихоти судьбы, может проявляться как «непредсказуемая предсказуемость». По мнению Е. В. Пилюгиной, именно такое понимание “eventus” выступило в качестве одной из «реперных точек» всей романской культуры, а в значительной мере – и всей европейской цивилизации [16]. Следует согласиться с выводом этого автора о принципиальном отличии понятия «событие» от понятия «факт» на основе сопоставления их сущностей: сущность факта – результат, сущность события – процесс.

Исследователи отмечают, что понимание термина «событие», характерное, прежде всего, для англо-романской языковой традиции, определило особенности распространения этого понятия в современном научном знании, как гуманитарном, так и естественнонаучном. Это понимание стало основой философской трактовки «события» и определило особенности его методологического применения в целом ряде научных концепций. Поэтому представляет интерес сравнительный анализ смысловых характеристик термина «событие» применительно к распространенным европейским языкам, оказывающим влияние на развитие современной философии, современной политологии и других отраслей социально-гуманитарного знания. Речь идет в первую очередь об английском, французском и немецком языках. Обстоятельный анализ смысловых коннотаций термина «событие» в этих языках, прежде всего на уровне обыденного смысла, осуществлен Е. В. Пилюгиной [Там же]. На основе этого исследования для получения обобщенной характеристики терминополья категории «событие» может быть построена сравнительная таблица, что и сделано автором настоящей статьи. Однако следует сделать несколько методологических замечаний.

Эмпирическое основание исследования Е. В. Пилюгиной составили авторитетные словари английского и французского языков [24; 28]. Что касается немецкого языка, то сравнение сделано, на наш взгляд, не вполне корректно, ибо распространённое словоупотребление этого термина в повседневной английской и французской речи сравнивается с хайдеггеровским вариантом научного немецкого языка в его специфическом философском смысле. Сама Е. В. Пилюгина отмечает, что М. Хайдеггер стал пионером анализа события именно как философской категории (через призму экзистенциализма), но не как термина для описания повседневной жизни.

Поэтому для составления сравнительной таблицы упомянутое эмпирическое основание дополнено информационными базами “context.reverso.net”, достоинство которой, в отличие от статичных словарей, заключается в ее динамичности: значения конкретных терминов соотносятся с десятками примеров их употребления в многочисленных современных текстах. При этом для анализа в каждом из языков: английском [27], французском [26], немецком [25] – взяты первые 50 примеров, при этом не учитывались повторяющиеся смыслы термина в этих примерах.

Такой подход, во-первых, позволяет зафиксировать меняющуюся семантику рассматриваемого термина в живой повседневной речи, во-вторых, формирует основания для выводов о том, с каким из повседневных значений понятия «событие» связывается восхождение этого термина в ранг научной категории.

Представленная таблица позволяет оценить справедливость выводов исследования Е. В. Пилюгиной. Безусловно, справедлив сделанный ею вывод о том, что общим и для английского, и для французского словарей выступает вероятностность (но не жесткая детерминированность) событий, их субъективное восприятие индивидом, которое приводит к преодолению границ между разнообразными типами пространств: пространствами реальными и нереальными, личностными и общественными, пространством слова и пространством мышления и др. Многообразные философские концепции XX века: от позитивизма до постмодернизма – послужили осмыслению и развитию содержания терминов «событие» и «событийность», содействовали возведению этих понятий в ранг философских категорий для осмысления социального бытия. Полисемантическая этих категорий не подвергается сомнению.

Вместе с тем в статье Е. В. Пилюгиной сделана попытка в существенной мере противопоставить английские и французские акценты термина «события». По её мнению, французское “evenement” не только фиксирует применительно к событию факторы случайности, включая также смыслы, тождественные «происшествиям» и «явлениям», но и делает акцент на измерении события, которое может быть названо «соревновательным». Она подчёркивает в применении к “evenement”: «...событийность – это насыщенность событиями и, одновременно, значимость событий. Собственно, события есть значения и значимость “голых” фактов, или, точнее, “голые” факты переходят в ранг событий по мере возрастания их значимости – насыщенности значениями. Можно сказать, события соревнуются друг с другом в значимости (или люди соревнуются друг с другом в своих желаниях и возможностях придать “фактам” значимость, представить их как “события”» [16]. Сюда же включается и смысл «праздника», «карнавальности», «игры»: «Событие-evenement осознается как “постановочное” явление, и, в то же время, более непредсказуемое, разрушающее границы, причем,

во многом, осознанно: карнавал и маскарад как суть насыщенной социальной жизни; “событие” уже не столько “действие”, сколько “действие”» [Там же].

Спорить с такими выводами применительно к французскому языку трудно, тем более что эти выводы подтверждаются и эмпирической базой “context.reverso”. Однако вряд ли справедливо отрицать подобного рода акценты в английском понимании «события». По-видимому, такое понимание порождено использованием достаточно узкой эмпирической базы, совпадающей с объемом соответствующей словарной статьи. К тому же определенное влияние оказывает и субъективное мнение автора такой статьи. Напротив, анализ широкого круга примеров базы “context.reverso” показывает, что и английские тексты не исключают «соревновательного» измерения термина, а в числе «мероприятий», обозначаемых английским “event”, упоминаются мероприятия разного рода, в том числе и близкие к «карнавальности».

Таблица 1. Значения термина «событие» в некоторых европейских языках

Английский, event		Французский, événement		Немецкий, Ereignis	
По Пилюгиной	По “reverse”	По Пилюгиной	По “reverse”	По Хайдеггеру	По “reverse”
Случайность	Необычное событие (громкое, тревожное, важное, эффектное, великое, немислимое и др.)	Случайность	Необычное событие (отрадное, памятное, торжественное, неординарное, историческое, тревожное и др.)	Собственное	Мероприятие
Непредсказуемость	Момент развития	Процессуальность	Случай, оказия	Подлинное	Необычное событие (значительное, удивительное, худшее, особенное, захватывающее и др.)
Важность	Оказия, случай	Мероприятие	Предположительная реализация в будущем	Аутентичное	Явление
Интересность	Повод	Происшествие	Результат, веха	Перелом	Случай
Необычность	Мероприятие (появление)	Явление	Изменение, эволюция	Освоение бытия	Инцидент
Совместность	Происшествие	Карнавал	Сдвиг, перемена	Поворот к осознанию бытия как собственного	Происшествие
Соучастие	Происшедшее	Маскарад	Преобразование		Произошедшее
Часть чего-то большего, например, состязания	Результат	Действо	Шанс		Дело
Мероприятие	Происшедшее, имеющее ряд последствий	Театральность	Встреча		Вечеринка
Происшествие	Эпизод некоторого процесса		Произошедшее		Причина
	Отрезок времени, промежутки между двумя датами		Происшествие		Встреча
	Момент		Мероприятие (манифестация, церемония, демонстрация, протест и др.)		Повод
	Осуществление возможности		Прорыв		Срок
	Опыт		Достижение		Свидание
	Впечатление		Соревнование		Опыт
	Практика		Этап, стадия		Явление
	Этап		Нечто		Торжество
	Рубеж		Единственное		Этап

Видимо, более верным будет считать: как процесс универсализации научных текстов, так и интернационализация языка национальных средств массовой информации привели к универсализации (при этом универсализации в аспекте разнообразия, полисемантической) смысла «события» во всех распространённых европейских языках, включая немецкий. Безусловно, языковые «тонкости» присутствуют в каждом языке, но применительно к «событию» вряд ли подобного рода различия являются принципиальными.

Другое дело, что значимым является обращение Е. В. Пилюгиной к немецкой трактовке события через хайдеггеровские тексты, поскольку выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер стал пионером анализа «события» не просто как термина обыденного языка, но, прежде всего, как философской категории. Немецкоязычное “ereignis-событие” у М. Хайдеггера получает многообразные трактовки, приобретая смыслы и «перелома», и «поворота», и «осмысления бытия», в том числе осмысления «бытия Другого». Осознание собственного бытия конкретного индивида через бытие Другого придает событию (в процессе его осознания и осмысления) уникальность. Именно поэтому в хайдеггеровской ипостаси событие-ereignis всегда уникально; это есть осознание собственного бытия через бытие с Другими и осмысление бытия других как собственного бытия. Е. В. Пилюгина обращает внимание на лингвистическую тонкость: «...осуществление бытия есть Событие. Использование здесь заглавной буквы не случайно. Истинное “Ereignis” – всегда Событие (в отличие от event, где вполне допустим перевод как события “с маленькой буквы”)» [Там же]. Утрачивая игровой и театрално-карнавальную смысл французского “evenement”, Событие-Ereignis приобретает вместе с тем характер уникальности, неповторимости.

Рассмотренные смыслы понятия «события» в повседневном языке получают дальнейшее развитие в системе научного языка, в процессе приобретения этим понятием статуса научной категории. Наибольшее внимание к осмыслению этих категорий проявляют философия и политология.

Философские подходы к пониманию события. Исследователями справедливо отмечается, что для философии постмодерна второй половины XX – начала XXI в. «событие» выступает центральным понятием, вокруг которого концентрируется вся проблематика философских размышлений.

Так, оригинальный вариант теории события как «онтологии множественного» [3, с. 10] представляет французский философ Ален Бадью, стремясь выявить реальное соотношение между «чисто событийным внешним характером и полем образов» [5], которые создаются воображением человека. Иными словами, у французского философа речь идет о двунаправленном процессе, отмеченном в начале настоящей статьи: надо охарактеризовать как специфику мысленной репрезентации конкретных событий, так и особенность детерминации реального события его именованим, присвоенным этому событию терминологическим образом.

Именно поэтому А. Бадью утверждает, что в языковой практике реальные события поглощаются существующими образами реальных феноменов: «...как только реальное поймано образом, лишь только схвачено ностальгией фантазматического наслаждения, оно распято, уничтожено» [Там же]. Это те самые образы, которые Ж. Бодрийяр обозначает в своих работах в качестве «симулякров» [10].

Что касается самого А. Бадью, то он в качестве предпосылок упомянутого «распятия», «уничтожения» указывает на двойственность человеческого мышления. Во-первых, мышление человека стремится к целостности мыслительного процесса за счет выявления родовых понятий посредством номинативных процедур; во-вторых, мышление включает процесс детализации – дробления, дифференциации, аналогично исчислению математики, которая для Бадью выступает образцовым примером целостного мышления. Но такая дифференциация, такое дробление противоречит смыслу целостности.

Однако, как показывает А. Бадью, посредством дробления из целостности через раздвоение образуется множественность как событийные (множественные) проявления родового. В результате восприятие явлений как событий, прежде всего социальных, происходит посредством их сопоставления с родовыми именами через ряд родовых процедур:

- *матемы* (по аналогии с математическим мышлением), или «чистого» наименования – операции присвоения имени реальности, которой еще нет, но которая еще будет;
- *поэмы*, или наименования посредством контекста, посредством сведения используемых образов к родовым понятиям;
- *«изобретенной политики»*, или такого идеологического наименования, которое власть эксплуатирует для достижения конкретных социальных целей; это выражение («изобретенная политика») служит привлечению внимания «к радикальному различию между политикой (как автономной мыслью) и управлением Государством, различию, сегодня потерянного из виду» [8];
- *мыслей о любви*, или такого именованя, которое сводится к эксплуатации (посредством рационализации) полового инстинкта как базового для человека.

Недаром среди многих областей социально-гуманитарного знания именно политология как теория власти проявляет всё больший интерес к освоению событийности. Обнаруживается, например, что чем больше образов «изобретенной политики» внедряют политические субъекты, тем меньше они оказываются в состоянии адекватно оценивать объективную политическую реальность: настоящая, «голая власть, прячущаяся за тонкой пластичностью и соблазнительной непристойностью образов мира демократии и рынка, сама не является образом, а самым настоящим голым реальным, которое, вместо того, чтобы избавить нас от образов, гарантирует их могущество» [5].

Итого, по А. Бадью, становится «порнография власти», которая проявляется в искусственном насаждении виртуальных образов особого рода. Эти особенные виртуальные образы скрывают реальную сущность подлинной власти. В качестве выхода А. Бадью предлагает признать наличие родовых оснований, или следов (traces) события: «...эти знаки-следы связаны с действующей формой, которую мы называем новым телом. Можно сказать, что это новое тело – действующая диспозиция следов события» [7]. У А. Бадью «событие обозначает точку разрыва» [8], выступая при этом как своего рода чистая дискретность в едином понятийном поле, формируемом родовым понятием.

Теоретическая логика онтологии события у Алена Бадью представляется следующим образом:

1. События как дифференцированные точки социального пространства могут переплетаться в той последовательности, которая задается мышлением, имеющим двойственный характер.
2. Конкретная социальная ситуация порождает операцию поименования, характеризующего применительно к событию его точку разрыва.
3. Реализованное поименование формирует пространственно-временной континуум поименованного события.
4. Этот континуум, будучи связан с языком (прежде всего, благодаря поименованию события), имеет отношение уже к самому процессу мышления.

5. Однако процесс мышления реализуется только посредством языка, концепты которого выступают в качестве номинативных точек такого бытия, которое и представлено в мышлении, опосредованном языком.

Формируется логическая цепочка: а) родовое бытие → б) именование → в) событие. Событийность фокусируется в именах, выступающих в качестве точек-понятий, приобретающих двойственную ипостась.

Они выступают и в качестве фрагментов, и в качестве конструкторов реальности: социальной, политической, духовной и др. В рассуждениях А. Бадью схватывается тенденция, отраженная в Таблице 1: событию чаще всего присваивается имя, если не собственное, то нарицательное: «важное», «исключительное», «неординарное» и др. Без такого поименования событие перестает быть феноменом, значимым для индивида и социума, а следовательно, «выпадает» из исторической последовательности, оказывается «не-событием», «несовершенным», «небывшим». По той же самой причине историческая цепь событий не является константной, она изменяется в соответствии со значимостью поименований. Тем самым ироническое замечание о «непредсказуемом прошлом» (поскольку термин «предсказание» применяется, как правило, к будущему) приобретает глубокий научный смысл: посредством новых поименований каждое новое будущее может конструировать для себя новое прошлое.

Для каждого нового поколения может утрачиваться былая значимость событий и наступает переосмысление истории, переосмысление сущности социального бытия. Потому-то А. Бадью и выводит события прежде всего из языковой реальности, подчеркивая, что для него родовое предложение «изначально связано с состоянием (ситуацией), поскольку условием ему служит событийное место (а значит, локализованная и особенная форма предьявленности бытия) и содержание события, как и его имя, предписано этим местом (содержание – терминами места, имя – свойственной ему пустотой). И оно судьбоносно привязано к состоянию, поскольку может быть реализовано лишь как часть ситуации» [Там же].

Из концепции А. Бадью вытекает существенное отличие события от факта: оно – событие – оставляет след в виде других событий. Под влиянием конкретных социальных сил и иного рода детерминант события развиваются, выступают в качестве предпосылок дочерних событий. При этом дочерние события формируются нередко уже вне системы детерминант дочернего события. В связи с этим А. Бадью задает риторический вопрос: «Кто сможет заглушить событие, с которого начнется новая игра?» [6, с. 277].

Если у А. Бадью событие предстает как «единичное во множественном», то у Ж. Делёза оно выступает как «множественное в единичном», поскольку его онтология события базируется на императиве множественности бытия как события.

Ж. Делёз указывает, что событие – это «это сингулярность, или, скорее, совокупность сингулярностей, сингулярных точек, характеризующих математическую кривую, физическое положение вещей, психологическую или нравственную личность. Это – поворотные пункты и точки сгибов; узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности» [12, с. 90]. Очевидна перекличка этой цитаты с характеристиками события, фиксируемыми в обыденном языке и приведенными в Таблице 1, когда событие сопровождается характеристиками: *удивительное, особенное, захватывающее, тревожное, важное, великое, немыслимое* и др.

Ж. Делёз указывает на связь события с проблемностью: «Модус события – проблематическое. Нельзя сказать, что существуют проблематические события. Можно говорить, что события имеют дело исключительно лишь с проблемами и определяют их условия» [Там же, с. 92]. И далее Ж. Делёз подчеркивает: «Скорее, с одной стороны, речь идет о проблематизации человеческих событий, а с другой – о том, что человеческие события сами являются условиями проблемы» [Там же, с. 83]. Анализ Таблицы 1 показывает, что связь события с проблемностью фиксируется и в обыденных коннотациях повседневного языка. По крайней мере, во всех рассмотренных языках термин «событие» оказывается связанным с «происшествием», с «инцидентом», неизбежно включающими в себя проблематичность.

Как считает Ж. Делёз, события можно обсуждать только в контексте тех проблем, чьи условия определены этими событиями, только «как сингулярности, развернутые в проблематическом поле, в окрестности которого происходит отбор решений» [Там же, с. 84]. Как и А. Бадью, при характеристике проблематичности событий он проводит аналогию с математикой: «Так, например, уравнение конических сечений выражает одно и то же Событие, которое его двусмысленный знак подразделяет на разнообразнейшие события – круг, эллипс, гиперболу, параболу, прямую линию. Эти события образуют обширное множество случаев, соответствующих проблеме и определяющих генезис решений» [Там же, с. 158].

Таким образом, Ж. Делёз, как и А. Бадью, развивает идеи о порождении событий языковой реальностью. Однако, с его точки зрения, возникающие проблемы должны решаться иным образом, чем у А. Бадью. По мнению Ж. Делёза, разного рода факты, явления, процессы обретают качество событийности благодаря приписыванию реальности некоторой суммы качеств посредством логики смысла. В итоге логика выступает инструментом конструирования событий. Затем с помощью инструментов языка формируется социальная реальность. Фактически благодаря способности формулирования событий язык выступает инструментом конструирования/деконструкции социальной реальности. Способ такого конструирования – вычленение и расчленение реальности на события, осмысливаемые с помощью языка: «Событие обитает в выражающем его предложении, а также оживает в вещах на поверхности и на внешней стороне бытия» [Там же, с. 46].

Место «события» в системе категорий политической науки. «Событие», обогащенное различными смыслами обыденной речи, закреплённой в растиражированных текстах бумажных и электронных средств массовой информации и коммуникации, поднимается до категориального уровня не только философского, но и политологического языка. При этом политологи, как и философы, стремятся придать различное смысловое содержание этому термину, определяемое задачами конкретного политологического исследования.

Так, В. А. Сахроков рассматривает проблемы, связанные с политической событийностью, в аспекте устойчивого развития [17]. Д. И. Аксеновский, признавая возможности полисемантической интерпретации событийности, предлагает два способа понимания категории «политическое событие».

Первый способ – «построить определение понятия через рассмотрение признаков политического и событийности. Здесь “политика” и “событие” выступают как взаимообратимые понятия, прочитывающиеся одно в другом до такой степени, что становится ясной их неразделенность, когда событие есть форма проявления политики, а политика наполняет содержанием событие» [1, с. 25].

Второй способ – это категоризация «как соотнесение изучаемого феномена с классом подобных объектов в сведении многообразия их проявлений к отдельным чертам, принимаемым как типичные... Категория обладает минимальным содержанием, т.е. фиксирует минимум признаков охватываемых предметов, но эти признаки выражают наиболее существенные отношения» [Там же].

Сам Д. И. Аксеновский избрал в качестве смысловой основы политического события категорию «обмена» и анализирует её в конкретном терминопле (по упомянутому в начале статьи выражению В. А. Виноградова), характеризуя те конкретные понятия, с которыми коннотирует термин «политическое событие»: политика, власть, сила, воля, возможность, действие, институт, подчинение, право, мотивирование, знак и др.

Д. И. Аксеновским выделяется еще одна важная характеристика политического события: для приобретения своего собственного качества оно должно войти в «содержание коллективного тела (универсум физических действий) и коллективного сознания (универсум символов)» [Там же, с. 28]. В этом случае политическое событие характеризуется осмысленной единичностью, от которой могут отсчитываться политические инициативы. Характерно, что этот автор семантику «политического события» выводит не из термина «политика», а из понятия «политическое», трактуемое в качестве идеи совместной жизни в повседневности.

Результатом проведенного Д. И. Аксеновским анализа становится значимый вывод: «...причиной и целью политического события является получение ответа на вопрос о самом существовании политики как факте властвования и подвластности. Политическое проявляется как временная случайность властных отношений, полученная в результате торга, но эти результаты могут быть снова и снова пересмотрены» [Там же, с. 34]. Обращает на себя внимание вывод Д. И. Аксеновского о возможности перманентного пересмотра результатов политического, имеющий непосредственную взаимосвязь с философским смыслом «события», раскрытого Ж. Делёзом: пересмотр зависит не только от особенностей торга, но и от нового наименования, от вновь возникающей проблематики, связанной с событием.

Другой подход к пониманию политического события в целом ряде публикаций аргументирует известный российский политолог Л. В. Сморгун. С его точки зрения, «именно событие позволяет мыслить политику, поскольку ни структура политики, ни смысл политического не фиксированы местом происходящего» [18, с. 262]. Утверждая, что политическое событие следует потому отличать от политического факта, что факт такого рода лишь имитирует событие, Л. В. Сморгун обращается к авторитету А. Бадью: «...современное снижение политической рефлексии до поверхностности журналистики происходит, прежде всего, от смешения события с фактом» [4, с. 53].

По мнению российского политолога, «событийность самой политики является ее отличительным признаком от происходящего в других сферах жизнедеятельности общества» [18, с. 263]. В свою очередь, он отмечает связь события со случайностью: «...природа политики событийна, т.е. связана со случайностью и партикулярностью, а политическое событие разворачивается перед нами во всей своей сложности, неопределенности и длительности» [Там же, с. 264].

Сущность политического события Л. В. Сморгун характеризует посредством перечисления его характерных черт, к которым он относит уникальность, нахождение во времени, процессуальную развернутость в актуализации, открытость, неопределенность, случайность, формируемость и пр. [19]. Л. В. Сморгуновым ставится проблема событийного знания, которое носит феноменологический характер и отражает специфику событийного отношения с другими: находиться в таком отношении фактически означает – находиться в пространстве политического.

Другой подход к пониманию сущности и особенностей политических событий реализован А. Ф. Филипповым, который обстоятельно рассматривает феноменологическую характеристику события, осмысливая его с точки зрения исследователя, наблюдателя. С его точки зрения, событие – это «*смысловой комплекс, означающий соотносительное акту наблюдению единство*. В этот смысловой комплекс входит *свершение в пространстве и во времени*. Событие идентифицируется наблюдателем как нечто *совершающееся* (т.е. происходящее) и *свершившееся* (т.е. обладающее известной законченностью, позволяющей его отделять от прочих событий)» [22, с. 11]. При этом, по мнению А. Ф. Филиппова, политические события «происходят на уровне регионов, а не мест. Иначе говоря, для идентификации политического события сообщество наблюдателей должно различать не элементарное место, а место мест» [Там же, с. 22].

А. А. Жирненко и Р. А. Пупыкин наглядно демонстрируют, каким образом концепция события, разрабатываемая Ж. Делёзом и А. Бадью, практически реализуется в деятельности современных средств массовой информации, когда политическим событием становится информация («политический процесс сегодня можно рассматривать только в контексте информационной эпохи» [13, с. 64]), а политические события целенаправленно формируются: «Событийный менеджмент представляет собой один из инструментов коммуникаций. Посредством сконструированных событий происходит диалог и символизация отношений между средствами массовой информации и публикой» [Там же]. Таким образом, если у А. Бадью и Ж. Делёза событие и язык (включая политическую речь) взаимодействуют в известном смысле стихийно, а языковые бытийные контексты становятся инструментами конструирования социальной реальности, то А. А. Жирненко и Р. А. Пупыкин акцентируют внимание на бодрийровском смысле «события»: современные СМИ зачастую формируют события как симулякры, недаром все чаще таким образом сконструированные события характеризуются как фейки.

Сходную точку зрения высказывает Д. А. Малышев: «Событие – одно из важнейших понятий коммуникативистики, дискурсологии, политической лингвистики. В такой сфере, как политика, события давно перестали быть случайностью – они организуются с имиджевой целью, становясь способом “перетянуть” на политика определенные положительные характеристики» [15, с. 124].

Этот исследователь дает характеристику событийности как «информационно-семиотическому феномену», поскольку вокруг событий формируются информационные потоки, которые принято называть событийным дискурсом. Здесь акцентируется внимание на другом аспекте влияния СМИ на событийность: речь идет не о фейках, не о виртуальной политической событийности, но о реальной политике. Однако конструирование подобного рода политических событий, хотя в конечном итоге и преследует конкретную политическую цель, однако в качестве непосредственной задачи имеет организацию информационного потока, формирование конкретного языкового контекста. Именно этот контекст выступает в качестве промежуточного (и весьма влиятельного) детерминирующего звена, которое нередко играет решающую роль в достижении упомянутой политической цели.

Направление исследования политического события, на котором работают А. А. Жирненко, Р. А. Пупыкин, Д. А. Малышев, заслуживает особого внимания, поскольку на этом направлении изменяется сам объект теоретического анализа. В самом деле, «событие» как понятие обыденного языка выражает и отражает такие социальные феномены, которые хотя и совершаются при участии человека, социальной группы, а следовательно, и при помощи индивидуального и группового сознания, но совершаются не в сфере сознания как такового, а на пространстве объективной социальной (в том числе политической) реальности.

Ж. Делёз и А. Бадью при анализе событийности существенное внимание уделяют языковой реальности, однако анализируют ее не саму по себе, а во взаимодействии с социальной реальностью. Иначе говоря, согласно А. Бадью, в языке «пойманным» оказывается «реальное». Для современных СМИ зачастую для подобного «улова» необходимость в «реальном» исчезает, поскольку поименованию подвергается несуществующее – такова природа фейков, которые также могут именоваться «событиями», но сфера их бытия – не объективная социальная реальность, а исключительно пространство сознания, причем сознания, оторванного от реального бытия. В этой ситуации информация под заголовком «Событие дня» действительно становится событием вне зависимости от того, является ли эта информация истинной [13, с. 64]. В результате «событие дискурса» существует, а реальность, которую оно должно было бы отражать, оказывается несуществующей. Будучи применимыми к политической сфере, подобные «события дискурса» в совокупности могут формировать целую систему «изобретенной политики», о которой писал А. Бадью, включая «изобретенную историю» недавнего прошлого.

В такой ситуации актуальным становится вопрос: что является наиболее значимой детерминантой поведения людей, в том числе поведения политического: реальные события или их интерпретация в «событиях дискурса»? Поиски ответа на этот вопрос составляют ныне актуальное поле научных исследований в широком спектре дисциплин: от философии и политологии до психологии.

Могут быть выделены и иные методологические подходы к пониманию сущности политических событий и политической событийности. Некоторые из таких подходов развивают постмодернистские идеи А. Бадью и Ж. Делёза, другие детерминированы эмпирическим опытом непосредственной политической практики.

По результатам проведенного исследования могут быть сделаны следующие *выводы*.

1. На рубеже XX-XXI веков проблема анализа события и событийности становится одной из самых актуальных проблем в философии, политологии и других сферах социально-гуманитарных исследований, а понятие «событие» возвышается до статуса научной категории.

2. Позиции исследователей относительно содержательных смыслов категории «событие» существенно различаются. Такие различия во многом определяются целями конкретного исследовательского процесса и особенностями предметного поля исследования. Тем не менее семантические акцентации «события» как научной категории в подавляющем большинстве случаев не являются вновь изобретаемыми; исследователи, как правило, черпают семантический материал в уже установившихся смыслах обыденного языка с учетом его национальной специфики, а применительно к политическому событию – и конкретной политической практики. Тем самым применительно к термину «событие» проявляется закономерность, выявленная В. А. Виноградовым: происходит до-определение термина в соответствии с процессами обогащения содержания конкретного понятия науки.

3. Выявленная тенденция позволяет говорить о наличии различных траекторий возвышения обыденного смысла «события» до его категориального статуса в философских, политологических текстах, а также в научных дискурсах, относящихся к иным объектам социально-гуманитарного познания. Каждая из этих траекторий приводит к специфическому осмыслению категории «событие», в том числе «политическое событие».

4. Выявление универсальных характеристик «события» как языкового и бытийного феномена показывает, что ведущей тенденцией осмысления семантического содержания этого термина оказывается его непосредственная связь с социальным конструированием/деконструированием посредством концептов языка.

5. Распространенной практикой современных СМИ становится информационное конструирование событий, не соотношенных с социальной реальностью, что порождает новый объект для научного анализа события и событийности: становится возможным вести речь о таких «событиях дискурса», которые выступают отражением несуществующей социальной реальности.

Список источников

1. Аксеновский Д. И. Политическое событие как экономия и предел власти: опыт категоризации // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1. С. 25-34.
2. Афинская З. Н. Культура научной речи: термины и их синонимы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 3. С. 101-111.
3. Бадью А. Делёз. «Шум бытия». М.: Прагматика культуры; Логос-Альтера, 2004. 184 с.
4. Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс по метаполитике. М.: Логос, 2005. 240 с.
5. Бадью А. Порнография настоящего [Электронный ресурс]. URL: <http://la-propagande-du-quotidien.tumblr.com> (дата обращения: 08.04.2020).
6. Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Sociologos 2005. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альманах Рос.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии Рос. акад. наук / отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; Праксис, 2005. С. 269-299.
7. Бадью А. Тела, языки, истины [Электронный ресурс] // Скепис: научно-просветительский журнал. URL: https://scepisis.net/library/id_1974.html (дата обращения: 08.04.2020).
8. Бадью А. 19 ответов на много большее число возражений [Электронный ресурс]. URL: <http://goo.gl/voQPSv> (дата обращения: 08.04.2020).
9. Белова И. В. Политические события: философские проблемы современности // Европейские научные исследования: сб. статей III Международной науч.-практ. конференции / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 200-203.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: <http://exsistencia.livejournal.com/9726.html> (дата обращения: 08.04.2020).
11. Виноградов В. А. Термин в научном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2: в 3-х ч. Ч. 1. С. 368-372.
12. Делёз Ж. Логика смысла. М. – Екатеринбург: Раритет; Деловая книга, 1998. 480 с.
13. Жирненко А. А., Пупыкин Р. А. Формирование политических событий в современной российской политике // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2012. № 33 (287). С. 64-70.
14. Киселева Н. И. Основные подходы к рассмотрению научного понятия и характеристике термина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2014. № 2 (58). С. 306-312.
15. Малышев Д. А. Событие и нарратив в теленовостях, посвященных деятельности политиков // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 124-133.
16. Пилюгина Е. В. «Событие» как ключевой концепт постижения современной социальной реальности: семантические и ментальные акценты [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis: международный электронный научный журнал. 2013. № 3. URL: <http://st-hum.ru/en/node/117> (дата обращения: 08.04.2020).
17. Сахроков В. А. Устойчивое развитие мировой цивилизации: проблемы и пути решения // Социальная политика и социология. 2013. Т. 2. № 4. С. 123-131.
18. Сморгунов Л. В. Власть воображения и событийная природа политики // Метод. 2012. № 3. С. 255-266.
19. Сморгунов Л. В. Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии // Политические исследования. 2011. № 1. С. 122-133.
20. Табанакова В. Д. Понятие научно-технического термина и требования к его определению // Термин и слово: межвуз. сборник. Горький: Изд-во ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1982. С. 4-26.
21. Тлехатук С. Р. Термин в современной научной парадигме: особенности интерпретации // Вестник Адыгейского государственного университета. 2016. Вып. 4 (187). С. 124-129.
22. Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Полис. Политические исследования. 2005. № 2. С. 6-25.
23. Якимович Е. В., Опара А. А. Соотношение терминологических систем русского, английского и немецкого языков в области альтернативной энергетики // Альтернативная энергетика и экология. 2013. № 14 (136). С. 71-75.
24. Definition evenement [Электронный ресурс] // Dictionnaire.net. URL: <http://www.dictionnaire.net/definition/evenement.html> (дата обращения: 21.01.2020).
25. Ereignis [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/перевод/русский-немецкий/событие> (дата обращения: 11.04.2020).
26. Événement [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/перевод/русский-французский/событие> (дата обращения: 11.04.2020).
27. Event [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net/перевод/русский-английский/событие> (дата обращения: 11.04.2020).
28. Event [Электронный ресурс] // Longman English Dictionary. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/event> (дата обращения: 21.01.2020).

“Event”: From Everyday Concept to Scientific Category

Ivanova Mariya Evgen'evna

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

meivanova2013@yandex.ru

Relying on a critical analysis of the existing publications on the eventfulness problem, the author tries to identify specificity of forming the categorial status of the term “event”. The article compares everyday meanings of “event” in some European languages, analyses philosophical meanings of this notion in A. Badiou’s and G. Deleuze’s works and in modern political texts. Scientific originality of the study involves identifying specificity of the “event” concept evolution from an everyday notion to a scientific category. The research findings are as follows: the author proves that semantics of the “event” concept is closely associated with social projection.

Key words and phrases: event; political event; eventfulness; everyday language; scientific category.